

0-784369

На правах рукописи

Кузьминов Петр Абрамович

**РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РЕФОРМ
50–70-х ГОДОВ XIX ВЕКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Майкоп
2010

Диссертация выполнена на кафедре истории России Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова

Научные консультанты:

доктор исторических наук, профессор
Кумыков Туган Хабасович

доктор исторических наук, профессор
Шеуджен Эмилия Аюбовна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Малиев Нох Дагкаевич

доктор исторических наук, профессор
Мохначева Марина Петровна

доктор исторических наук, профессор
Поташев Александр Федорович

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет»

Защита состоится 24 сентября 2010 г. в 12⁰⁰ на заседании диссертационного совета ДМ 212.004.08 по историческим наукам при Адыгейском государственном университете по адресу: 385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Университетская 13. Конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Адыгейского государственного университета

Автореферат разослан 20 августа 2010

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000728509

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

В.Н. Мальцев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследуемой проблемы. Историографии принадлежит важнейшее место в современной структуре научного исторического знания. Историческая наука выходит на качественно новый, более высокий уровень, определяющий не только особенности ее состояния, но и перспективы дальнейшего развития. Наметившаяся динамика все более заметно проявляется в обновлении теоретико-методологических основ историографии, эволюции исследовательской проблематики, расширении источниковой базы, совершенствовании исследовательских методов.

Развитие исторической мысли подошло к такому рубежу, когда дальнейший прогресс зависит от степени разработки базовых, фундаментальных проблем истории. Все более выраженный характер приобретает рефлексия, направленная на осмысление историографической традиции.

Наиболее важным феноменом общественных трансформаций являются стадии реформ как наглядное воплощение серьезных изменений в государственном организме, эволюционного движения систем, институтов управления, социальных общностей. Их совокупность приводит к положительной (и тогда мы говорим о социальном прогрессе) или отрицательной динамике социальных модификаций (социальный регресс). В широком понимании этого процесса можно говорить о развитии человеческой цивилизации как перманентном процессе реформирования различных сегментов жизнедеятельности общества с целью их совершенствования или кардинального изменения.

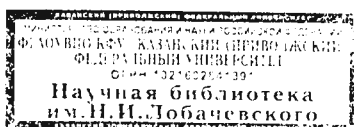
Эпоха правления Александра II вошла в историю России как время реформ, охвативших все стороны жизни общества не только центральных губерний страны, но и многонациональной периферии. Реформы, проведенные у горских народов Северного Кавказа, соединили традиционное общество и трансформирующийся под влиянием модернизационных изменений горский социум, впитав в себя всю гамму проблем XIX в. Административно-судебные и аграрно-сословные преобразования, проведенные на Северном Кавказе, стали объектом пристального внимания многих поколений ученых. Накопленный опыт изучения реформ 50–70-х гг. XIX в. позволяет выявить роль государства и бюрократии в разработке стратегии реформ и механизмов их проведения, акцентировать внимание на социальной реакции разных слоев общества, на их ментальной готовности/неготовности к восприятию происходящих изменений.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что историография является важным маркером, отражающим тенденции и особенности развития кавказоведения, играет функцию стратегического планирования научной жизни на этапе глубокой модернизации северокавказского общества. Усилия историков в этом направлении правомерно привели к повышению статуса региональной истории. Речь идет не просто о приоритетах анализа исторических сюжетов, а о специфике связанных с ними исследовательских структур, в каждой из которых отражены практически все атрибуты научной парадигмы: особая теоретическая основа, характерный проблемный диапазон, система применяемых методов, перенос исследовательского ракурса с общих вопросов эпохи реформ на конкретные сюжеты кавказской действительности.

В этом проявляются не только особенности, присущие определенному территориальному масштабу видения истории, но и новизна региональных исследований, обусловленная концептуальным разнообразием и столкновением идеологических пристрастий в осмыслении исторического прошлого. Именно такой подход позволяет проанализировать, с точки зрения соотношения общего и особенного, опыт изучения несколькими поколениями ученых реформ в Северо-Кавказском регионе.

Отсутствие аналитических работ по историографии реформ на Северном Кавказе подчеркивает актуальность данного исследования, но не менее существенным аспектом является введение в широкий научный оборот новых историографических источников, которые расширяют наши представления о сложности теории познания общественных явлений. Кавказоведение в своем развитии подошло к такому рубежу, когда дальнейшее изучение реформ у горских народов Северного Кавказа возможно только в историографическом пространстве, позволяющем обобщить существующие представления о сложных путях первой волны модернизации и наметить перспективы ее исследования научным сообществом.

Историография ставит на повестку дня вопросы углубленного изучения социальной структуры общества, деятельности государственных институтов, перехода страны к гражданскому обществу как закономерному итогу преобразований. В силу этого историография выявляет важные проблемы реорганизации системы координат жизнедеятельности народов, «вооружает» общество теоретико-методологическим инструментарием, с помощью которого осмысливаются возможные «рифмы» предполагаемых преобразований, обосновываются научные изыскания в

области социальных противоречий и потенциальных конфликтов, возникающих в процессе неизбежной трансформации.

Степень изученности проблемы. Учитывая историографическую направленность работы, объем и характер накопленных историографических источников, во вводной части диссертации предлагается периодизация развития историографических исследований по истории проведения реформ 50–70-х гг. XIX в. в Северо-Кавказском регионе. В историографии историографии¹ реформ выделяется два этапа, различающиеся теоретико-методологическими приоритетами и особенностями исследований.

Первый этап укладывается в рамки советской историографии – конец 40-х – конец 80-х гг. XX в., учитывая, что первые историографические обзоры по истории преобразований на Северном Кавказе появились в конце 40-х гг. XX в., в связи с общим подъемом исторической науки, защитой диссертаций и публикацией статей по данной тематике. В науке господствовали представления, которые, как правило, негативно оценивали дореволюционное прошлое: народ страдал и бедствовал; элита упорно преследовала корыстные классовые интересы; почти все реформы императорского периода были неудачны, так как задумывались с единственной целью сохранить прогнивший самодержавный режим.

По справедливому замечанию Б.Н. Миронова, особенно не повезло в историографии российским реформаторам и правительственной политике, которая рассматривалась со специфических точек зрения: чего не сделала верховная власть, какие ошибки она совершила, недостатки в организации и управлении, упущенные возможности².

100-летию крестьянской реформы в России посвятили обобщающие историографические статьи П.А. Зайончковский и Б.Г. Литвак³. Работы П.А. Зайончковского в области изучения отмены крепостного права в России еще при жизни ученого стали классикой международного уровня⁴. Анализируя работы советских кавказоведов о проведении кре-

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. – М., 2003. – С. 223.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. – СПб., 2000. Т. 1. – С. 16.

³ Литвак Б.Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 года // История СССР. 1960. № 6; Зайончковский П.А. Советская историография реформы 1861 года // Вопросы истории. 1961. № 2.

⁴ П.А. Зайончковский, по мнению американского историка Эббота Глисона, оказал огромное влияние на исследование реформ в Советском Союзе и в США. См.: Глисон Э. Великие реформы в послевоенной историографии // Великие реформы в России. 1856–1874. – М., 1992. – С. 14.

стьянской реформы у горских народов, Б.Г. Литвак остро поставил вопрос о необходимости строить научную концепцию только после глубокого изучения разнообразных документальных материалов.

Обращение видных советских ученых к историографии крестьянской реформы активизировало исследование проблемы в Северо-Кавказском регионе. Общетеоретическое и методологическое значение для развития историографии кавказоведения имели периодически собиравшиеся научные конференции⁵, оказавшие заметное влияние на активизацию историографических исследований. Среди широкого круга историографических работ, исследующих развитие истории исторической науки в регионе, лишь работы Ч.С. Зембатова, П.А. Кузьмина, Э.Д. Мужуховой, А.И. Хасбулатова⁶ затрагивают проблемы преобразований у народов Северного Кавказа.

⁵ Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы научной сессии по истории исторической науки народов Северного Кавказа и Дона. 4–6 февраля 1975 года. – Грозный, 1978. Вып. 1; Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции. 21–22 сентября 1978 г., г. Грозный. – Грозный, 1980. Вып. 2; Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции. 10–12 мая 1982 г., г. Грозный. – Грозный, 1985. Вып. 3; Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1988; Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа: Сб. науч. тр. / Отв. ред. В.П. Невская. – Ставрополь, 1983 и др.

⁶ Кузьмин П.А. К историографии крестьянской реформы на Северном Кавказе // Тезисы докладов III конференции молодых ученых НИИ истории, экономики, языка и литературы при Совете Министров СОАССР. – Орджоникидзе, 1980; *его же*. К вопросу о дореволюционной историографии крестьянской реформы в Кабарде и Балкарии // Молодежь и общественные науки: Тезисы докладов и сообщений республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 165-летию со дня рождения К. Маркса и 80-летию второго съезда РСДРП. – Нальчик, 1983; *его же*. Изучение буржуазных реформ 60-х гг. XIX в. в школе и вузе // Археология и краеведение вузу и школе: Тезисы докладов и сообщений второй региональной научно-практической конференции. – Грозный, 1985; *его же*. Отечественная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе: Автореф. диссер. на соиск. уч. ст. к.и.н. – М., 1988; Зембатов Ч.С. Советская историография крестьянской реформы в Северной Осетии // Вестник ЛГУ. 1982. № 8; Мужухова Э.Д. К историографии «военно-народного» управления в Терской области в середине XIX в. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции. 10–12 мая 1982 г., г. Грозный. – Грозный, 1985. Вып. 3; Хасбулатов А.И. Крестьянская и земельная реформа 60–70-х гг. XIX в. и аграрный вопрос в пореформенной Чечено-Ингушетии в исторической литературе // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1988 и др.

Обращение ученых к истории становления и развития исторической науки в республиках, областях и краях Северного Кавказа сыграло позитивную роль, обусловившую повышение интереса к историографическим исследованиям. В них отразился общий процесс изучения прошлого в Дагестане, Чечено-Ингушетии, Осетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Адыгее, названы имена крупных ученых, внесших существенный вклад в разработку проблем истории реформ⁷. Близки к данной группе историографические труды, анализирующие этапы развития кавказоведения, формирование кадров исследователей, создание и деятельность первых научных учреждений в регионе⁸.

⁷ Берикетов Х.Г. Историческая наука на Северном Кавказе. – Нальчик, 1964; Невская В.П. Карачаево-Черкесия в советской исторической науке (Критико-библиографический обзор) // Труды КЧНИИ. – Ставрополь, 1968. Вып. 5; Санакоев М.П. Историография истории Осетии. – Цхинвали, 1971; Мамбетов Г.Х. Развитие исторической науки в Кабардино-Балкарии за 50 лет ее автономии // Материалы юбилейной научной сессии, посвященной 50-летию автономии Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1971; Гаджиев В.Г. Советская историческая наука Дагестана // Вопросы истории Дагестана (Досоветский период). – Махачкала, 1974; Хизриев Х.А. О степени изученности истории Чечено-Ингушетии досоветского периода (Историо-библиографический обзор) // Вопросы историографии дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1988 и др.

⁸ Гугов Р.Х. К истории организации Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института // УЗ КБНИИ. – Нальчик, 1957. Т. XI. – С. 445–461; Джамбулатова З.К. Из истории научной исследовательской работы в Чечено-Ингушетии (1921–1941 гг.) // Труды ЧИНИИ. – Грозный, 1964. Т. IX. – С. 112–124; Берикетов Х.Г. Сорок лет институту // УЗ КБНИИ. – Нальчик, 1965. Т. 23. – С. 3–27; Ольшеская М.И. Очерк развития историографии истории Северной Осетии в конце XIX – начале XX столетия // Сборник аспирантских работ (Материалы научной конференции 1968 г.). – Орджоникидзе, 1969; Меретуков М.А. Этнографическое изучение адыгейского народа за годы Советской власти // Ученые записки Ад. НИИЯЛИ. – Майкоп, 1972. Т. XV. – С. 336–390; Цибилов Г.И. Из истории русского осетиноведения в первой трети XIX века // Сборник аспирантских работ (Материалы научной конференции 1971 г.). – Орджоникидзе, 1972. – С. 71–81; *его же*. Из истории русского осетиноведения в 40–50 годах XIX века // Сборник трудов молодых ученых. (Материалы научной конференции 1973 г.). – Орджоникидзе, 1974. Вып. 3. – С. 99–110; *его же*. Осетия в русской науке. (XVIII – первая половина XIX в.). – Орджоникидзе. 1981; *его же*. Развитие науки и научных учреждений в Северной Осетии в переходный период (1917–1937 гг.) // Северная Осетия: история и современность. – Орджоникидзе, 1989. – С. 175–187; Гаджиев В.Г. Советская историческая наука Дагестана (Итоги и перспективы) // Вопросы истории Дагестана (Досоветский период). – Махачкала, 1974. – С. 7–34; Васильева Л.М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX в. – Орджоникидзе, 1975; Шаманов И.М., Мусукаев А.И. Балкария и Карачай в русской науке 70–90-х годов XIX века // История горских народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1976. Вып. 2. – С. 86–104; Мамбетов Г.Х. Кабардино-Балкарскому НИИ пятьдесят лет (1926–1976). – Нальчик, 1976; Пронштейн А.П. Некоторые итоги разработки истории Дона и Северного Кавказа // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1979. № 4. – С. 24–29; Гугов Р.Х., Мамбетов Г.Х., Тхагапсов Х.Х. К изучению дореволюционной истории Кабардино-Балкарии в 20–30-х гг. XX в. // Вопросы культурного строительства в

Большой и, на наш взгляд, самостоятельный блок историографических исследований составляют работы о жизни и творчестве просветителей народов Северного Кавказа, в которых анализировались их общественно-политические взгляды, в частности их отношение к реформам⁹.

советской Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1984. – С. 70–82; *Дзамихов К.Ф.* Отечественная историография о социально-экономическом строе Кабарды в XVIII – первой половине XIX в.: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. и. н. – М., 1985; *Крикунов В.П.* Вклад профессора М.С. Тотоева в развитие исторической науки на Северном Кавказе // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа: Сб. науч. тр. – Орджоникидзе, 1985. – С. 63–70; *Гаджиев В.Г.* Историография истории Дагестана (Вместо предисловия) // Историография истории Дагестана досоветского периода. – Махачкала, 1986. – С. 3–7; *Губаханова Р.А.* Политика России в Дагестане во 2-й половине XIX в. (Историография вопроса) // Там же; *Мансуров М.Х.* Вопросы социально-экономического развития Засулакской Кумыкии во 2-й половине XIX – начале XX вв. в историографии Дагестана // Там же; *Хутуев Х.И., Сабанчиев Х.-М.А.* Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт как центр исторической науки в республике (к 60-летию института) // Вопросы историографии и источниковедения Кабардино-Балкарии. – Нальчик, 1987. – С. 6–67; *Саблиров М.З.* Кадры и историческая наука в Кабардино-Балкарии (1918–1941 гг.) // Культура народов Северного Кавказа: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ш.Я. Масаев. – Нальчик, 1989. – С. 33–49; *Сабанчиев Х.-М.А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. – Нальчик, 1989; *Махмудова К.З.* Чечено-Ингушетия в российской науке (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Россия и Северный Кавказ. Проблемы историко-культурного единства: Межвузовский сб. науч. тр. / Отв. ред. В.Б. Виноградов. – Махачкала, 1990. – С. 43–58; *Тютюнина Е.С.* К вопросу о демократическом направлении в русском кавказоведении XIX в. (по материалам «Терского сборника» 1890–1893 гг.) // Там же. – С. 81–95; *ее же.* Проблемы истории Кабарды и Балкарии в русской исторической науке второй половины XIX века: Автореф. на соиск. уч. ст. к. и. н. – М., 1987; *ее же.* К вопросу об организационных формах исторического кавказоведения во второй половине XIX века // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа (Дореволюционный период): Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Т.Х. Кумыкова. – Нальчик, 1989. – С. 113–125; *Невская В.П., Алексеева Е.П.* Историография истории Карачаево-Черкесии // Вопросы истории и археологии Карачаево-Черкесии. Сб. науч. тр. – Черкесск, 1991. – С. 132–158 и др.

⁹ *Тотоев М.С.* Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в пореформенный период. – Орджоникидзе, 1957; *его же.* Очерки истории культуры и общественной мысли в Северной Осетии в начале XX в. – Орджоникидзе, 1968; *Кумыков Т.Х.* Жизнь и общественная деятельность Кодзокова Л.М. – Нальчик, 1962; *его же.* Кази Атажукин. – Нальчик, 1969; *его же.* Дмитрий Кодзоков. – Нальчик, 1985; *Ардасенов Н.И.* Ардасенов Али-хан. – Нальчик, 1970; *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. – М., 1971; Избранные труды Кази Атажукина / Сост. Р.Х. Хашхожева. – Нальчик, 1971; *Хашхожева Р.Х.* Адыгские просветители второй половины XIX – начала XX в. – Нальчик, 1983; *Суменова З.Н.* Инал Кануков. – Орджоникидзе, 1972; *Цховребов З.П.* Развитие общественно-политической и философской мысли Осетии. – М., 1977; *Саблиров М.З.* Просветительское движение в Кабарде и Балкарии в начале XX в.: Автореф. на соиск. уч. ст. к.и.н. – Нальчик, 1971; *Азаматов К.Г., Хутуев Х.И.* Мисост Абав. Общественно-политические взгляды. – Нальчик, 1980; Общественно-политическая мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX в.: Материалы конференции 28–29 марта 1974 г. – Нальчик, 1976 и мн. др.

Несмотря на устойчивый интерес к проблемам историографии, в советское время так и не удалось создать обобщающего исследования, посвященного истории разработки такой сложной и многоплановой темы, как реформы 50–70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе.

Второй этап – конец 80-х гг. XX в. – первое десятилетие XXI в., характеризуется формированием современных черт теории и методологии историографии. Глубокая трансформация в общественно-политической и экономической жизни народов СССР в конце 80–начале 90-х гг. XX в. обусловили изменение приоритетов общества в области методологии исторических исследований. Желание осмыслить характер, амплитуду, качество произошедших преобразований усилило потребность общества в историографических исследованиях.

Принципиальное значение для исследования конкретных историографических проблем имело обращение историков к вопросам теории и методологии. Особую группу составляют статьи и очерки, в которых ставился вопрос о современных тенденциях развития кавказоведения, новых методологических подходах, достижениях и недостатках исследовательского поиска историков¹⁰. Немаловажное значение приобрело обращение

¹⁰ Боров А.Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. – Нальчик, 1997. Вып. 2; *его же*. Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализации // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. – Нальчик, 2004. Вып. 9; Аникоев А.А., Лубский А.В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1997. № 3; Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. – М., 2005; Шеуджен Э.А. Проблемы местной истории в новой историографической перспективе // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1997. № 4; *ее же*. Проблемы северокавказской историографии // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.) / Под ред. В.Г. Игнатова. – Ростов-на-Дону, 2000; Аникоев А.А. Методологические проблемы истории народов Северного Кавказа // Там же; Османов А.И. Историческая наука Дагестана: проблемы и перспективы // Там же; Кудряцев А.А. Проблемы гуманитарных исследований ставропольских кавказоведов // Там же; Историческая мысль Кубани на пороге третьего тысячелетия: Сб. науч. ст. и юбилейных материалов: К 60-летию проф. Б.А. Трехбратова / Отв. ред. А.Н. Еремеева. – Краснодар, 2000; Кузьминов П.А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13–14 октября 2005 г.) / Отв. ред. А.Г. Кучиев. – Владикавказ, 2006; Булыгина Т.А. История Северного Кавказа: новые исследовательские подходы // Там же; Османов А.И. Постсоветское время и некоторые актуальные проблемы изучения истории Дагестана // Там же; Дзидзов В.Д. Объективность и субъективность в современной историографии Кавказа (Постановка вопроса) // Там же; Черноус В.В. Интеграционные традиции и перспективы отечественного кавказоведения // Там же; Виноградов В.Б. Современные аспекты российского кавказоведения (Мозаика новейших публикаций). – М.; Армавир, 2007 и др.

к вопросу взаимоотношения исторической науки, идеологии и политики. Все более в научном сообществе утверждается точка зрения, согласно которой использование формулы Ю.Н. Афанасьева «феномен советской историографии»¹¹, подчеркивающей негативные смыслы данного этапа развития науки, сочетается с признанием ее достижений¹².

Сегодня большинство ученых отказываются от нигилистического подхода к работам дореволюционных ученых, подчеркивают «их важность и значительный объем приведенного фактологического материала»¹³. Обосновывают концептуальные различия осмысления темы в советской историографии, выделяют этапы ее развития¹⁴.

Методологические приоритеты исследователей сформировали дискуссионное поле основных аспектов политики России в регионе, в том числе и преобразований XIX в. Сегодня в историографии отстаиваются положения, позволяющие увидеть многогранность дореволюционного общества, логику модернизации 60-х гг. XIX в., ее особое восприятие, влияние менталитета населения на формы и методы ее проведения, хотя

¹¹ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Советская историография. – М., 1996.

¹² Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР (1945–1985). – М., 2000; Зеленев М.В. Аппарат ЦК РКП(б) – ВКП(б), цензура и историческая наука в 1920-е годы. – Н.Новгород, 2000; Иванов К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 2; Бычков С.П., Корзун В.П. Введение в историографию отечественной истории XX в. – Омск, 2001; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. – СПб., 2002; Литвак Б.Г. Парадоксы российской историографии на переломе эпох. – СПб., 2002; Алексеева Г.Д. Историческая наука в России. Идеология. Политика. 60–80-е гг. XX в. – М., 2003; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии. 1930–1950-е гг. – Брянск, 2005; Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. – М.: ИВИ РАН, 2005; Дьяков Ю.Л. Историческая наука и власть (Советский период). – Тула, 2008 и др.

¹³ Малахова Н.Г. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Ростов-на-Дону, 2001. – С. 18–25; Блешева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века / Под ред. А.А. Магомедова. – Владикавказ, 2005. – С. 5; Калмыков Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления. Вторая половина XVIII – начало XX века. – Нальчик, 2007. – С. 6; Муратова Е.Г. Социально-политическая история Балкарии XVII – начала XX в. – Нальчик, 2007. – С. 31–43.

¹⁴ Бабич И.Л. Эволюция правовой культуры адыгов (1860–1990-е годы). – М., 1999. – С. 15; Малахова Н.Г. Указ. соч. – С. 27; Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): историко-этнологический анализ. – Владикавказ, 2003. – С. 6–8; Блешева З.М. Указ. соч. – С. 1–15; Муратова Е.Г. Указ. соч. – С. 44–53 и др.

«пережитки» марксистско-ленинского видения реформ у народов Северного Кавказа продолжают появляться в публикациях.

Переосмысление роли теории и методологии истории, изменение стратегии формирования теоретико-методологических оснований истории привело к повышению интереса к проблемам историографии, обусловив новый этап развития исторического знания. В ряду других проблем историческая наука активизировала усилия по изучению опыта российских реформ. Историки стремятся выявить причины и особенности реформаторских процессов в России от эпохи Петра Великого до наших дней¹⁵.

Как правило, ученые исследуют реформаторские преобразования в России не только с позиций строгой научной объективности, но и применительно к сегодняшним задачам, стоящим перед обществом. Большинство ученых пришли к мнению, что реформирование – это не случайные эпизоды, а закономерность, которая просматривается в истории каждой страны, и Россия в этом плане, разумеется, не исключение.

Новое методологическое пространство способствует расширению проблематики историографии аграрных преобразований. Обоснование характера феодального землевладения в XVIII–первой половине XIX в. в Кабарде, Кумыкии, плоскостной Осетии, Чечне, Бесленее, Бжедугии, Тегенгском и других регионах «снимает» вопрос о грабительском характере крестьянской реформы в ленинской интерпретации, поскольку бесплатная передача земли крестьянам создавала реальные экономические условия для жизнедеятельности горских народов в пореформенный период.

В последние годы происходит многократное увеличение количества исследований по административно-судебным преобразованиям, что обусловило появление историографических обзоров по данной проблеме.

Тем не менее процесс исследования истории реформ 50–70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе не получил соответствующего отражения в обобщающих историографических работах. В советской историографии в основном рассматривались проблемы социально-экономического развития, а в современной – эволюция административно-судебных преобразований. Ученые с разных методологических позиций затрагивали реформы и, соответственно, приходили к противоположным выводам о качестве и глубине преобразований у горских народов Северного Кавказа.

¹⁵ Реформы в России. – М., 1993; Реформы в России XVI–XIX в. – М., 1992; Российские реформаторы. XIX – начало XX вв. – М., 1995; Реформы и реформаторы в истории России. – М., 1996; *Казарезов В.В.* Самые знаменитые реформаторы России. – М., 2002 и др.

Сложившаяся историографическая ситуация со всей очевидностью свидетельствует, что в очередной раз историческое знание переживает сложный переходный период, в котором постепенно складывается пространство методологического плюрализма. Современные тенденции развития исторической науки способствуют пониманию того, что идет перманентный процесс переосмысления вопроса о роли теории и факта, анализа и интерпретации, статуса и предмета историографии. Несомненно, в динамичном развитии отечественной исторической науки заложены предпосылки для успешной разработки конкретно-исторических проблем, к которым относятся вопросы реформационных преобразований 50–70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе и их осмысления на уровне историографического анализа.

Объектом исследования является сложный и противоречивый процесс развития научного знания по истории народов Северного Кавказа, варианты его модификации на различных этапах отечественной историографии в зависимости от конкретных социально-экономических, политических и идеологических условий.

Предметом исследования является корпус историографических фактов и источников, отражающих многогранные проблемы развития исторического знания, динамику научной проблематики, источниковой базы, исследовательских методов, теоретических представлений об истории реформ 50–70-х гг. XIX в. в Северо-Кавказском регионе.

Целью диссертационной работы является комплексное историографическое изучение общего и особенного в сложном процессе развития теоретико-методологических оснований исторических концепций реформирования горских обществ Северного Кавказа в 50–70-х гг. XIX в., выявление достижений в изучении узловых проблем и возможности дальнейшего исследования истории проведенных преобразований.

Достижение поставленной цели реализуется через решение следующих **задач**:

- выявить основные этапы изучения проблемы, их содержание и особенности;
- обосновать теоретико-методологические принципы, сложившиеся в кавказоведении в процессе исследования преобразований горского общества;

– исследовать процесс утверждения и закономерности смены исторических концепций, отражающих характер преобразований в горских обществах;

– проанализировать проблематику научных исследований, указать на нерешенные и дискуссионные вопросы модернизации горских обществ;

– выяснить причины «снижения» или «всплеска» исследовательского интереса к конкретно-историческим сюжетам реформ у горских народов;

– проанализировать процесс накопления фактических знаний об изучении эпохи реформ, ввести в научный оборот ранее неизвестные историографические источники;

– определить изменения в состоянии источниковой базы, ее информационные возможности и перспективы расширения;

– рассмотреть организацию научных исследований, ее воздействие на интенсивность и содержание исследовательского процесса;

– объективно оценить итоги исследования реформ у народов Северного Кавказа, обозначить основные направления их дальнейшего изучения, нереализованные исследовательские возможности;

– выделить в историографической традиции, опираясь на достижения ценностного подхода, то, что имеет значение для современного этапа развития научных знаний об эпохе реформ.

Хронологические рамки исследования охватывают 60-е гг. XIX в. – первое десятилетие XXI в. Выбор начальной даты обусловлен появлением первых публикаций о реформах у горских народов. Конечная грань связана с последними по времени публикациями о преобразованиях на Северном Кавказе.

Территориальные рамки исследования охватывают горские общества Северного Кавказа, ставшие объектом реформаторской деятельности российской администрации в 50–70-х гг. XIX в.

Источниковая база диссертации. В силу направленности исследования источниковую базу диссертации составляют историографические источники: монографии, обобщающие труды, статьи, доклады, сообщения и тезисы конференций, диссертационные работы, касающиеся правительственной политики на Северном Кавказе в 50–70-е гг. XIX в. По характеру привлеченные источники представляют научную, научно-популярную, мемуарную, биографическую, краеведческую, учебную и справочную литературу.

В процессе анализа источников первостепенное значение имеют монографии и статьи исследователей, целенаправленно изучавших эпоху преобразований у горских народов, формирующих представление о научном уровне изучения проблемы. Эти источники информативно насыщены и дают возможность обосновать исследовательскую позицию по ключевым вопросам защищаемой концепции. Авторы, как правило, стремятся к комплексному анализу проблемы, предлагают свое видение темы. В процессе исследования широко использовались монографии, научные и публицистические статьи в журналах, сборниках, газетах, в которых освещались крупные периоды истории народов региона и лишь косвенно затрагивались проблемы модернизации горского социума.

В историографическом источниковедении важны рецензии, отражающие не только оценку значимости профессиональным сообществом тех или иных исторических трудов по рассматриваемой проблематике, но и характер сложившихся о ней представлений в исторической науке.

Особую роль в качестве историографического источника играют диссертационные работы. Они позволяют судить не только о степени изученности проблемы, но и о возникновении новых направлений в ее исследовании. Диссертации, как никакие другие жанры исторических исследований, свидетельствуют о сильных и слабых сторонах, о штампах, о старых и новых стереотипах отечественной историографии.

Исторически значимой является литература научно-справочного характера: историографические и библиографические обзоры, справочные издания, помогающие выявить новые источники преобразований в регионе, а также научно-популярная и учебная литература, формирующая массовое историческое сознание.

Наряду с историографическими источниками мы привлекли письменные свидетельства, содержащие информацию о реформах. Ценность документальных материалов диссертант видит в возможности их использования для формирования собственных научных взглядов по вопросам модернизирующих реформ XIX в. С этой целью были проработаны фонды Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Краснодарского края, Государственного архива Ставропольского края, Центрального государственного архива Республики Северная Осетия–Алания и Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики.

Выявленные архивные материалы конкретизируют и уточняют сведения историографических источников или же позволяют обосновать новый взгляд на известные сюжеты реформ. Обращение к архивным материалам продиктовано также необходимостью определить информационные возможности источниковой базы проблемы и дальнейшие перспективы разработки истории реформ на Северном Кавказе.

Методологическая основа исследования. В конце 1980-х гг., в условиях «кризиса теории и методологии»¹⁶ советской историографии, начался активный поиск новых историко-методологических концепций объяснения прошлого и использования междисциплинарных подходов. В результате «методологической революции» 1990-х гг. марксистский подход трансформировался в историко-материалистический, который в значительной мере утратил свои позиции, уступив место модернизационной, цивилизационной (социокультурной) концепциям российской истории.

Для автора диссертации наиболее убедительной в трактовке деятельности кавказских властей по формированию новых административно-правовых и социально-экономических отношений в регионе представляется модернизационная парадигма, которая позволяет решить методологические проблемы, связанные с переходом традиционного к индустриальному обществу. В то же время использование в диссертации цивилизационного подхода позволяет рассматривать процесс научного познания истории реформ как обусловленный объективными (социокультурная реальность) и одновременно субъективными (личность исследователя) обстоятельствами.

Методологическую основу диссертации составляют современные представления о функциях, принципах и методах исторического и историографического исследования. Методология работы опирается на принципы *объективности, историзма, целостности, системности*. Их применение позволяет рассмотреть формирование историографических представлений по истории реформ в их конкретно-исторической обусловленности, оценить степень разработанности ее отдельных сюжетов и направлений, отобрать наиболее значимые для понимания сути проблемы положения, не вырывая их из контекста научного знания. Содержание этапов в формировании исторических знаний по истории преобразований Северного Кавказа рассматривается во взаимосвязи различных факторов, определяющих работу иссле-

¹⁶ Лозунов А.П. Отечественная историографическая культура: современное состояние и тенденции трансформации // Образы историографии. – М., 2001. – С. 52.

дователя. Творчество историков разных поколений оценивается с учетом общественно-политической атмосферы, окружавшей ученых, состояния источниковой базы, уровня профессионализма и культуры.

Важным слагаемым научного познания является взаимодействие *принципа объективности и субъективного* элемента исторического исследования, которое требует, с одной стороны, отражения реальных условий развития науки на всем протяжении изучения эпохи реформ, а с другой стороны, одно и то же событие зачастую по-разному интерпретируется авторами. Разумеется, применение данного принципа в историографии ограничено спецификой исследования (более выраженная субъективность в процессе изучения проблемы и т. п.).

В историографических работах универсальное значение имеет *принцип историзма*, в соответствии с которым любое историографическое явление (концепция ученого, особенности того или иного научного направления) должно рассматриваться в развитии и в связи с обусловившими его факторами. При оценке особенностей изучения реформ учитывался достигнутый на каждом этапе уровень развития исторической науки, объективные возможности для научного творчества, степень доступности архивных материалов. Принцип историзма позволяет избежать субъективизма в оценке творчества исследователя преобразований, модернизации или архаизации его исторических взглядов.

Принцип целостности ориентирует историка науки на необходимость подходить к изучению каждого периода исследования реформ как к системе взаимосвязанных элементов исторического знания и причин, детерминирующих их изменения, предполагает анализ концепции ученого, место социальных преобразований в проблематике его трудов, состояние источниковой базы и его вклад в ее расширение и др. Он фокусирует внимание на целостности процессов в обществе, которые обусловлены действием различных социокультурных, интеграционных и модернизационных явлений и факторов.

В последние годы особое внимание стало уделяться *принципу системно-структурного анализа*, ориентированному на проведение структурного и функционального разбора сложных исторических явлений. Данный принцип помогает выявить место конкретного произведения в историографическом ряду аналогичных работ, опубликованных в то же время. В историографии он формирует целостную картину развития исторической мысли в стране и ее отдельных регионах. Это не случайно, поскольку в рамках заявленной историографической концепции объект исследования представляется в виде системы с характерной для

него структурой, а предмет исследования представляет собой всестороннее раскрытие объекта в его внутренних и внешних связях и с функциями как его структурных элементов, так и в его целостности.

При изучении переломных периодов истории значимым представляется *ценностный принцип*, который заключается в выявлении и постулировании ценностей, характерных для социума на определенном этапе его развития. Поскольку с течением времени они менялись, то историк науки должен их дифференцировать, вычленив социальные, экономические, политические пристрастия. Это позволяет выявить своеобразные ценностные ряды, которые необходимо учитывать в процессе исследования. В процессе исторического анализа меняются ценностные ориентации самих исследователей, в соответствии с которыми выстраивается концепция прошлого. Именно поэтому исследование взглядов того или иного ученого осуществляется в контексте его общественно-политической позиции, поскольку она влияет на интерпретацию фактов и содержание выводов.

В работе использовались также историографические методы научного познания, под которыми понимается совокупность способов изучения прошлого исторической науки.

Проблемно-хронологический метод требует разделения темы на ряд конкретных проблем, каждая из которых рассматривается в хронологической последовательности. В процессе изучения эпохи реформ нами выделены блоки отдельных преобразований (аграрные, административные, социальные, судебные), которые последовательно исследуются на всех этапах развития историографии.

В последние годы методологическую значимость приобрел *метод периодизации* исторического процесса, позволяющий выделить в кавказоведении этапы и периоды изучения поставленной проблемы. Это позволило обнаружить определяющие направления развития научной мысли на каждом конкретном отрезке «историографического времени», выявить новые явления внутри действующих и выступающих им на смену историографических ситуаций.

Позитивные результаты дало применение *историко-типологического метода*, требующего упорядочения объектов изучения по отдельным общим признакам. Это позволило обосновать факт существования научных течений в истории преобразований, определить принадлежность историков к тому или иному направлению, классифицировать историографические источники.

Сравнительно-исторический метод позволяет проводить необходимые сравнения различных исторических концепций с целью выявления их общих черт, особенностей, самобытности и степени заимствования. Применение этого метода дает возможность изучить историографические факты по истории реформ в тесной связи с исторической обстановкой, в которой они создавались, и их качественное изменение на различных этапах развития. На этой концептуальной основе построена научная модель компаративной историографии, которая базируется «на осмыслении основной классификационной единицы историографии – вида историографических источников: монографий, статей, диссертаций»¹⁷.

В процессе работы над темой задействован *ретроспективный (возвратный) метод*. Его суть заключается в изучении процесса движения мысли исследователя от современности к прошлому: изучение элементов старого, сохранившегося в наши дни, и реконструкция на их основе событий и явлений, имевших место в истории. Ретроспекция позволила использовать современные знания для изучения их состояния в прошлом. Каждый научный труд по изучению реформ на Северном Кавказе принадлежит своей эпохе и отражает ее сильные и слабые стороны.

Особое место занимает *метод актуализации*, который помогает определить ценность обнаруженных научных знаний по истории реформ для нынешнего и будущего поколений. Анализ выявленных историографических источников позволяет строить научные прогнозы будущего развития исторической науки на основе выявления ее ведущих тенденций. Помимо прогнозирования развития кавказоведения, он имеет прагматическое значение, предоставляя возможность разработать практические рекомендации для дальнейшей деятельности историков науки.

Научная новизна диссертации определяется новизной предмета исследования:

- впервые на основе современных теоретико-методологических подходов проведен комплексный анализ процесса изучения крупной научной проблемы – истории реформ 50–70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе;

- в соответствии с этапами развития исторического знания по исследуемой проблеме в дореволюционный, советский и современный периоды систематизированы теоретические концепции преобразований в горских обществах, критически осмыслены их содержание и специфика;

¹⁷ Шеуджен Э.А. Историография. Вопросы теории и методологии: Курс лекций. – Майкоп, 2005. – С. 179.

– выявлены изменения источниковой базы исследований, динамика совершенствования научных методов на всех этапах развития историографии;

– проанализированы воздействие внутренних и внешних факторов и условий развития исторического знания на интенсивность научных исследований по проблеме, их методология и организация в Северо-Кавказском регионе;

– самостоятельную научную ценность имеет приложенный к работе библиографический список: впервые предпринята попытка создания полного перечня исследований по предмету диссертации.

Научно-практическая значимость определяется насущной необходимостью для историков, политологов, государственных и общественных деятелей составить объективное представление о научных результатах и перспективах изучения истории взаимоотношений центра и окраин Российской империи. Историография реформ, конечно, не дает практических рекомендаций о возможных путях преобразования Северо-Кавказского региона. Однако анализ наиболее значимых концепций истории реформ востребован и сегодня, поскольку на повестке дня остро стоит вопрос о глубокой модернизации административной, судебной, экономической, социальной жизни народов России.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в научной работе при подготовке обобщающих трудов, посвященных истории и историографии Кавказа, при разработке соответствующих разделов лекционных курсов по историографии кавказоведения, спецкурсов и семинаров. Рекомендации, содержащиеся в диссертации, могут быть учтены при определении тематики новых научных исследований и разработке планов модернизации северокавказского социума.

Апробация полученных результатов. Основные положения и выводы диссертации отражены в монографии, статьях, очерках, докладах и тезисах. Результаты исследования были представлены на международных, всероссийских, региональных научных конференциях, проходивших в Москве, Тбилиси, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ставрополе, Грозном, Орджоникидзе, Владикавказе, Нальчике в 1980–2010 гг. По теме диссертации опубликованы работы общим объемом более 45 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, примечаний и библиографии. В основу структурирования работы положен проблемно-хронологический принцип изложения материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** диссертации обосновывается актуальность темы, определяются цели и задачи, объект и предмет исследования, хронологические и географические рамки работы, выделяются историографические источники и факты, отражающие содержание историографического процесса, дан обзор историографии историографии, отмечается научная новизна, аргументируются теоретическая и практическая значимость исследования, методологическая основа работы, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения об апробации результатов диссертационного исследования.

В первой главе «Теоретико-методологические проблемы изучения историографии реформ», состоящей из трех параграфов, ставятся и разрешаются теоретические и методологические вопросы историографического исследования. *В первом параграфе «Изучение реформ в кавказоведении: этапы и проблемы периодизации»* историография реформ 50–70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе рассматривается как составная часть изучения истории либеральных реформ в Российской империи. Выявление элементов преемственности развития дореволюционного, советского и современного кавказоведения дает возможность установить движущие силы развития науки, точки соприкосновения новых знаний и возможности их роста.

Целесообразным, отражающим структуру и логику развития кавказоведения представляется вариант деления исторической литературы, посвященной изучению реформ, на три периода.

Первый период (60-е гг. XIX–1920 г.) свидетельствует об относительной независимости мысли, существовании благоприятных условий для научного творчества. Освещение событий 50–70-х гг. XIX в. происходило в условиях достаточно свободного обмена мыслями на страницах периодики или книг (за исключением, конечно, пропаганды революционных идей). В кавказоведении шел процесс накопления исторических и историографических источников и формирования различных направлений в изучении реформ.

Второй период (начало 20-х – конец 80-х гг. XX в.) отражает достижения и недостатки советской историографии, обусловленные господством в государстве одной партии, одной идеологии, одной методологии. Внутри периода выделяется несколько этапов, связанных с эволюцией политических установок, методологическими поисками, накоплением исторической информации, сменой поколений историков, качеством исторических исследований: 1920–1930-е гг., 1940–1950-е гг., 1960–конец 80-х гг. XX в.

Третий период (конец 80-х–первое десятилетие XXI в.) характеризуется становлением политического плюрализма и формированием новых методологических подходов в изучении преобразований в горских обществах.

Во втором параграфе «Типология концептуальных подходов осмысления реформ» утверждается, что со времени появления первых работ по истории создания и реформирования административно-судебной системы и аграрно-социальных отношений у горских народов прошло полтора столетия. За это время сменилось несколько поколений краеведов, историков, ученых, которые искали и находили возможности исследовать реформы с особенных методологических позиций, отражающих их концептуальное видение эпохи реформ.

Проблема смены концепций истории преобразований рассматривается как непрерывно развивающийся, противоречивый ход мысли исследователя. В ее основе лежит закон диалектики «Отрицание отрицания», позволяющий наполнить гегелевскую триаду «тезис – антитезис – синтез» реальным содержанием развития историографических представлений об эпохе реформ.

Изученная литература дореволюционного периода позволяет говорить о формировании трех историографических течений: консервативного, либерального и демократического, которые отражали идеологические пристрастия и научные позиции авторов, особенности мировоззрения и отношение авторов к самому процессу преобразований.

Захват власти партией большевиков в октябре 1917 г. положил начало радикальному переустройству общества и новым представлениям о прошлом и настоящем России. Но этот процесс происходил не в условиях конкуренции идей, программ, теорий общественного развития, а в обстановке жесткого диктата господствующей партии.

Марксистско-ленинская методология требовала от ученых классового подхода при анализе любых исторических событий, тем более процесса эмансипации зависимых сословий, поскольку В.И. Ленин дал однозначную оценку крестьянской реформе, которая довела народ до «разорения, нищеты, унижений и такого надругательства, как нигде в мире»¹⁸. Высказанная мысль стала определяющей для советских историков, в том числе и кавказоведов.

Экономические и политические преобразования в СССР, начатые с целью обновления и совершенствования государственного организма в середине 80-х гг. XX в., привели к распаду социалистической экономики и советской политической системы. Научное сооб-

¹⁸ Ленин В.И. Пятидесятилетие падения крепостного права // ПСС. Т. 20. – С. 140, 141.

щество, ранее скрепленное марксистско-ленинской идеологией, распалось. Цивилизационная и модернизационная парадигмы познания реформ получили признание в науке.

В *третьем параграфе* «Особенности историографических и исторических источников и методы их анализа» обосновано многообразие задач, стоящих перед историком науки, что актуализирует вопрос об источниках, опираясь на которые исследуется процесс накопления и развития исторических знаний. Ведь характер и особенности историографического исследования в значительной степени определяются спецификой источниковой базы, основу которой составляют историографические и исторические источники и историографические факты.

Ряд ученых предлагают понимать под историографическим источником исторический источник, в котором содержатся данные по истории исторической науки¹⁹. В этой связи необходимо обратить внимание на то, что исторический источник может содержать как явно выраженные сведения по историографии, так и скрытые, поэтому вполне реально возникновение ситуации, когда один и тот же источник для одного исследователя окажется историографическим, а для другого – историческим источником.

Представляется, тут нет противоречий. Скажем, «Докладная записка выборных Большой и Малой Кабарды и горских обществ от 8 августа 1866 г. начальнику Терской области генералу М.Т. Лорис-Меликову об освобождении зависимых сословий в Кабарде за выкуп на основании взаимных между феодалами и зависимыми крестьянами соглашений» служит прекрасным историческим источником для иллюстрации социальных отношений в середине XIX в. Одновременно записка отражает концептуальную позицию кабардинской и балкарской знати на роль холопов (унаутов, казаков, караушей) в их повседневной жизни. Данный источник исследователи привлекали для обоснования своей позиции на историю крестьянской реформы (Е. Старцев – официально-охранительную, В. Кудашев – либеральную, Т. Кумыков – марксистскую). Заявленная концепция, независимо от авторов-составителей документа, стала предметом полемики, споров ученых, ее содержание анализировали, «препарировали», выявляли, что, когда и кем именно сказано, правильно ли переводчик озвучил мысль, а писарь ее записал и т.д. Документ начал «жить» своей жизнью, «втягиваясь» в научную ткань повествований многих авторов. И с этой точки зрения можно использовать записку как историографический источник, отражающий социальные приоритеты исследователей.

¹⁹ Пушкарев Л.Н. Содержание и границы понятия «общественная мысль» // Отечественная история. 1992. № 3. – С. 75.

Одной из наиболее важных проблем историографии является вопрос о качестве источников науки, позволяющих реконструировать сложный процесс познания. Дело в том, что на Северном Кавказе в дореволюционный период практически не было системы высшего специального образования, постоянно работающих и финансируемых государством или частными лицами научных учреждений, за некоторым исключением, специалистов с систематическим историческим образованием. О характере общественных отношений и их преобразовании у горцев писали в основном офицеры Кавказского корпуса, чиновники, публицисты, журналисты, путешественники, краеведы, которые на основе личных впечатлений, чужих рассказов, сведений, уже опубликованных в СМИ, или отдельных подборок официальных документов освещали известные им факты и события. Это налагает особый отпечаток на их работы. В них часто приводятся противоречивые суждения, отсутствуют теоретические обобщения, искажаются фамилии и факты описываемых сюжетов.

Эти публицистические зарисовки «сведущего» человека выступают в исследовании в качестве историографических источников. Это обусловлено рядом факторов.

Во-первых, мы должны чрезвычайно осторожно относиться к наследию прошлого, «доставая» из него не только фактологическую, но и специфическую информацию об уровне развития исторических представлений, о качестве освещения событий, об имманентных факторах развития кавказоведения.

Во-вторых, «многие исторические концепции, например концепции французской буржуазной революции конца XVIII в., – отмечал академик А.Л. Нарочницкий, – впервые сформулированы в публицистике, памфлетах, прессе того времени»²⁰. В данном случае, официальная концепция крестьянской реформы у народов Терской области впервые озвучена в работах ряда анонимных авторов в газетах «Кавказ», «Терские ведомости», «Сборнике сведений о кавказских горцах» и др.

В-третьих, установлено, что эффективность развития и распространения научных взглядов и представлений определяется не только выдающимися исследованиями, которых, как правило, бывает немного. Тенденции развития науки обнаруживаются зачастую яснее в периодических изданиях, в дискуссиях, в памятниках общественной публицистики²¹. Приводимый материал подтверждает эту мысль известного медиевиста.

²⁰ Нарочницкий А.Л. О преподавании историографии в высшей школе // Вопросы истории. 1973. № 6. – С. 7.

²¹ Косминский Е.А. Историография Средних веков. – М., 1963. – С. 10.

В-четвертых, в процессе изучения особенностей развития науки необходимо исследовать не только выдающиеся историографические источники, но и рядовые историографические факты, типичные для той или иной эпохи: «забытые» имена и издания, научные общества и учреждения, систему распространения исторических представлений²².

В-пятых, развитие общественных представлений об эпохе реформ определялось теми работами, которые были опубликованы и благодаря этому стали достоянием широкого круга читателей, любителей истории родного края или ученых. Они формировали как концептуальное, так и общественное звучание поднятой проблемы, в силу чего мы просто не имеем права их игнорировать.

Привлеченные историографические источники в диссертации разделены на несколько групп.

Во-первых, в соответствии с обоснованной выше периодизацией изучаемой проблемы: труды по истории дореволюционного, советского и современного общества. Распределение историографических источников по периодам, на наш взгляд, правомерно, поскольку каждая эпоха создает свой неповторимый антураж, свою систему координат, в рамках которой работал ученый, историк, публицист.

Во-вторых, комплекс обобщающих работ по истории отдельных краев и областей Северного Кавказа. Созданию подобных трудов, особенно в советской историографии, придавалось серьезное значение в отечественной исторической науке, для их подготовки формировались авторские коллективы, они вбирали в себя основные достижения и недостатки современной им историографии, определяли ключевые принципы разработки рассматриваемой проблемы. Именно это обстоятельство и предопределило необходимость обращения к ним как к источникам настоящего исследования.

В-третьих, это специальные монографические исследования по рассматриваемой проблеме, характеристике которых уделяется значительное место в диссертации. Научная монография представляет для профессионального исследователя наиболее полные возможности озвучить свою позицию по тем или иным вопросам, представить ее в развернутом виде. В диссертации используется материал свыше 450 монографий (38 опубликованы в дореволюционный период, 170 – в советский и 243 – в постсоветский), в которых косвенно или специально рассматривались вопросы истории реформ, часть посвящена анализу эпохи, системы образования и науки, в которой работал тот или иной исследователь.

²² Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии // Проблемы истории, общественной мысли и историографии (к 75-летию академика М.В. Нечкиной). – М., 1976. – С. 265.

В-четвертых, серьезным итогом проделанной работы являются материалы кандидатских и докторских диссертаций, которые отражают полученный результат. Именно диссертации позволяют судить не только о степени изученности проблемы, но и о возникновении новых направлений в ее исследовании, а их значение заключается в постановке методологических, источниковедческих, методических и иных вопросов, редко затрагиваемых в другой литературе. В работе рассматривается содержание 67 диссертаций (в советский период – 32, в современный – 35), выполненных непосредственно на материалах Северного Кавказа. Кроме того, привлекаются материалы ряда диссертационных исследований общего характера, в которых приводятся те или иные сведения или оценки, характеризующие изучение данной проблемы.

В-пятых, компактную и оперативную форму исторического исследования представляет научная статья. Исследователь при ее написании ограничен объемом публикации, зато, в более сжатом виде представив аргументацию собственной позиции, может быстрее высказать новые положения, впоследствии нередко получающие дальнейшее развитие в монографии или коллективном труде. Общее количество статей по рассматриваемой проблеме исчисляется сотнями наименований, а в качестве наиболее оригинальных историографических источников рассматриваются 170 научных статей, выполненных непосредственно на материалах Северного Кавказа. В общем количестве статей (более 700) мы включаем опубликованные в журналах (178); в периодических сборниках (282), это, как правило, труды, известия, ученые записки, издаваемые научно-исследовательскими институтами или кафедрами вузов; в неперiodических сборниках (225).

В-шестых, особое место занимают опубликованные материалы республиканских, региональных, всероссийских, всесоюзных и международных конференций, где озвучивались выявленные в архивохранилищах сведения, факты, сюжеты, методологические подходы или концепции, связанные опосредованно или напрямую с эпохой реформ 50–70-х гг. XIX в. Они, как правило, фиксируют появление наиболее значимых, приоритетных направлений исторических исследований, позволяющих выявить дискуссионные вопросы темы. Сам факт проведения научных конференций по той или иной проблеме свидетельствует о значении, которое уделяется ей представителями профессионального сообщества. В настоящем диссертационном исследовании рассматриваются материалы более 30 конференций различного уровня, тематика которых была связана с разнообразными вопросами истории исторической науки, изучением общественного строя и его реформированием в 50–70-х гг. XIX в. на Се-

верном Кавказе. В работе используются материалы и других международных, всероссийских, региональных конференций, посвященных различным аспектам региональной истории, участники которых раскрыли те или иные стороны рассматриваемой проблемы.

В-седьмых, к числу историографических источников диссертации следует отнести обзоры литературы, рецензии, предисловия к сборникам документов или хрестоматиям, а также научно-популярные работы, отдельные очерки, косвенно выходящие на анализируемую проблему. Общее количество их достаточно велико. В настоящей работе используется более 150 исторических, краеведческих и документальных очерков. В некоторых из них приводятся данные, которые не получили соответствующего освещения в других работах. Это и обусловило обращение к данным источникам, не все из которых относятся к числу профессиональных исследований. Самостоятельную историографическую ценность представляют некоторые рецензии, отражающие не только оценку значимости профессиональным сообществом тех или иных исторических трудов по рассматриваемой проблематике, но и характер сложившихся представлений в исторической науке.

Общее количество историографических источников настоящей работы составляет свыше 1300 обобщающих трудов, монографий, диссертаций, опубликованных статей и других исследований общего и конкретно-исторического характера. В содержательном отношении все указанные источники распадаются на три большие группы: труды, характеризующие развитие региона в годы подготовки и проведения реформ в широком историческом контексте; исследования, посвященные итогам пореформенного развития; а также работы, «попутно» затрагивающие отдельные сюжеты преобразований.

Вторая глава «Освещение реформ 50–70-х гг. XIX в. в дореволюционном кавказоведении» включает три параграфа.

Кавказоведение второй половины XIX–начала XX в. развивалось в русле российской исторической науки. В нем отчетливо отразились основные тенденции развития науки и борьбы различных идеологических пристрастий, что обусловило формирование трех историографических течений: консервативного, либерального и демократического.

В *первом параграфе* «Первые результаты изучения административно-судебных преобразований» отражены итоги изучения проблемы. Административные преобразования, за исключением работы С. Эсадзе, внимания исследователей консервативного направления почти не привлекали. Нормы обычного права и их использование в работе окружных и горских словесных судов осветили П. Пржецлавский, П. Чернявский, Л. Петров и др. Историографический срез про-

блемы свидетельствует о серьезном внимании представителей либерального течения к административно-судебным преобразованиям в крае. Много внимания уделено изучению правовой системы горцев, которая целенаправленно трансформировалась под влиянием российского законодательства.

Наибольший вклад в разработку комплекса данных проблем внесли: В. Пфаф, У. Лаудаев, М. Ковалевский и др. Они исследовали нормы адата, которые определяли традиционные устои жизни как до, так и после проведенных в регионе преобразований. Н. Грабовский, Н. Семенов, П. Бурменский, Н. Рейнке, Н. Корганов и др. осветили деятельность новой правовой системы, работа которой была построена на полиюридической основе, подчеркнули существенные недостатки сложившейся системы судопроизводства.

Во втором параграфе «Восприятие аграрных изменений в литературе» рассмотрено изучение земельных преобразований. Анализ историографических источников показывает, что писатели, как официального, так и либерального направлений, внесли серьезный вклад в изучение данной темы. Используя материалы сословно-поземельных комиссий, они показали общий ход размежевания земли на плоскости в аульную и частную собственность. Усилиями Я.В. Абрамова, Ф.А. Щербины, Н.П. Тульчинского, Н.С. Иваненкова, А.Ф. Чурсина, В.Н. Кудашева и др. в кавказоведении был поставлен вопрос о характере землевладения в горских обществах, выявлены недостатки в процессе проведения реформы, представителями народничества впервые озвучена мысль об аннексии земли у горцев. В начале XX в. поставлен вопрос о несоответствии акта от 20 августа 1863 г. исторической действительности. Показана половинчатость, незаконченность аграрной реформы на Кавказе и ее буржуазный характер. Наиболее активно реформа изучалась в Кабарде, Осетии, Карачае, в целом в Терской области. По Дагестану опубликована работа П. Гицулянова.

Исследователи-демократы отмечали несправедливый характер решения царизмом земельного вопроса, создание в результате реформы крупного помещичьего землевладения, обезземеливание крестьян, внесение в их среду социального неравенства.

В третьем параграфе «Формирование концепции освобождения зависимых сословий» обосновано внимание представителей официально-охранительного течения к теме, поскольку она давала прекрасную возможность восславить «царя-освободителя», даровавшего «свободу и равенство» народам. В прямую зависимость от благодеяний высшей власти ставилось будущее народов.

Красной нитью через все работы проходит мысль о мирном и спокойном проведении реформы, подчеркивается, что все сословия с радостью встретили волеизъявление царя-освободителя, которое одинаково учитывало интересы всего населения. Работы этого направления явились отражением официальной версии об освобождении крестьян на Северном Кавказе.

В работах данного течения были определенные достоинства: во-первых, в научный оборот введено значительное количество фактических данных, освещающих условия освобождения, ход реформы и численность освобожденных; во-вторых, показана общая картина проведения реформы на всем Северном Кавказе, сделана попытка отразить определенные особенности реформы в различных областях края. Именно здесь обоснован «тезис» величия реформ, их колоссального значения для «отсталых» народов Кавказа.

Теоретический уровень работ либерального течения, по сравнению с официально-охранительным, значительно выше. Авторы использовали в своих работах не только официальные материалы, посвященные реформе, но привлекали архивные документы, более критично подходили к анализу результатов реформы. Они делали попытки показать тяжелое имущественное положение освобожденных крестьян и обеспеченность их земель. К этому течению мы относим работы К. Красницкого, Н. Грабовского, Д. Кодзокова, Д. Лаврова, М. Кипиани, Я. Абрамова, Ф. Щербины, М. Ковалевского, В. Шамрая, Н. Иваненкова, Б. Шаханова-Джанхотова, М. Абаева, В. Кудашева, С. Авалиани и др.

В главе обоснован дифференцированный вклад различных течений дореволюционного кавказоведения в изучение эпохи реформ у народов Северного Кавказа; во-вторых, подчеркнута богатство введенного в научный оборот фактического материала; в-третьих, выявлены особенности, достижения и слабости изучения темы; в-четвертых, составлен типический образ кавказоведа дореволюционного периода.

Третья глава «Советская историография преобразований у горских народов» состоит из трех параграфов.

В *первом параграфе* «Анализ крестьянской реформы в контексте классового подхода» осуществлен анализ исторических взглядов ученых о крестьянской реформе. Много внимания уделено формированию новой системы образования и науки в автономиях и областях Северного Кавказа.

Опираясь на новую марксистско-ленинскую методологию, ученые обратились к исследованию феодальных отношений у народов Северного Кавказа и социальных преобразований в 60-е гг. XIX в. Усилиями историков В. Гальцева, Л. Добрускина, Г. Кокиева, Н. Лихницко-

го, Г. Мартиросиана, Б. Скитского, Е. Студенецкой, У. Алиева, И. Тамбиева, А. Иванова и др. был изучен материал о реализации крестьянской реформы, ее грабительском характере и буржуазной сущности.

1940–1950-е гг. стали существенным этапом изучения реформы у народов Северного Кавказа. Во-первых, несмотря на «забвение» истории репрессированных народов Карачая, Балкарии и Чечено-Ингушетии в 1944–1956 гг. официальной историографией, география изучения реформы у народов Северного Кавказа расширилась. К ней обращались историки Адыгеи, Черкесии, Кабарды, Осетии, Дагестана и Ставропольского края, а с 1957 г. Балкарии, Карачая, Чечни и Ингушетии. Во-вторых, появились публикации документальных материалов о реформе в Кабарде, Осетии, Дагестане, значительно расширившие источниковую базу изучения реформы. В-третьих, усилился интерес к монографическому исследованию проблемы. Были защищены диссертации по крестьянской реформе (И.Ф. Мужев, Х.Х. Рамазанов, В.П. Невская, С.Ш. Гаджиева, В.П. Крикунов и др.), опубликовано значительное число научных статей, посвященных данной тематике. В них историки подвергли научному исследованию переломные моменты социальной жизни народов Северного Кавказа, ввели в научный оборот новые документальные материалы, подчеркнули роль народных масс, влиявших на темпы и формы изменений горского быта. В-четвертых, наибольших успехов в освещении аграрно-крестьянской реформы достигли ученые Кабарды, Черкесии и Дагестана. Заметно снизилось внимание историков Осетии к этой проблеме. В-пятых, в целом по региону поставлен и решен вопрос о предпосылках и подготовке реформы, рассмотрены этапы реформы, подчеркнут более тяжелый характер реформы у народов Северного Кавказа по сравнению с центральными губерниями.

Изучение крестьянской реформы в 1960–1980-е годы свидетельствует о новых явлениях в кавказоведении. Углубление социальной проблематики, желание исследовать «сопутствующие» ей сюжеты (особенности феодальных отношений, система патроната в адыгских обществах, правовой статус категорий азатов, узденей, кавдасардов, каракишей; социальная политика противоборствующих сторон в ходе Кавказской войны объективно вела к уменьшению численности рабов и зависимых крестьян и др.), привлечение корпуса документальных материалов, освещение работы различных учреждений, осуществивших реализацию реформы, зримое размежевание в науке по вопросу оценки эмансипации зависимых сословий отражали отход от «ортодоксального марксизма» и демонстрировали желание научного сообщества разобраться в особенностях российской политики на Кавказе.

Во втором параграфе «Изучение особенностей аграрной политики» акцентировано внимание на изменении характера земельных отношений в регионе. Анализ трансформации земельных отношений занял одно из центральных мест в советской историографии, поскольку здесь наглядно отражался аннексионистский характер политики царизма на Северном Кавказе. По инициативе центральных властей для изучения местных ресурсов, особенностей жизненного уклада горских народов были созданы комплексные историко-этнографические и экономические экспедиции, которые собрали огромный эмпирический материал о землевладении и землепользовании у горских народов, детально обследовали Северо-Кавказский край. В работах С.И. Месяца, Л. Добрускина, И. Викторова, Г. Мартиросиана, А. Иванова, А. Бирзе и др. сделаны первые попытки освоить новую методологию, подчеркнуто негативное влияние России на земельные отношения горских народов. Авторы стремились конкретным материалом обосновать тезис В.И. Ленина о том, что Российская империя была тюрьмой для горских народов Кавказа. Вместе с тем Месяц, Добрускин, Мартиросиан опубликовали ценные материалы о характере земельных отношений в XIX в. в Кабарде, Балкарии, Ингушетии. В работах данной группы ученых обоснован **антитезис** реформ, в ходе которых были реализованы основные цели царизма – превратить Северо-Кавказский регион в колонию Российской империи.

В 1940–1950-е гг. в науку пришли подготовленные в советской высшей школе ученые. Для них марксистско-ленинско-сталинское наследие было единственной методологией, опираясь на которую они исследовали сложные вопросы преобразования земельных отношений. Формировались научные кадры местных историков, которые посвятили себя изучению аграрной проблематики. Защищены кандидатские диссертации Т.Х. Кумыковым, Т.А. Жакомыховым, Х.Х. Рамазановым, С.Ш. Гаджиевой, В.П. Невской и др.

В соответствии со сложившейся еще в дореволюционной историографии традицией одни советские исследователи (В.П. Пожидаев, С.И. Месяц, М. Тусиков, А.В. Мамонтова, И.Ф. Мужев) архайзировали земельные отношения у горцев, считали, что они не вышли за рамки общинно-родовой собственности. Другие (Г.К. Мартиросиан, Г.А. Кокиев, В.М. Букалова) утверждали, что у народов Северного Кавказа сложилась различная по форме феодальная земельная собственность. Определенную ясность в этот вопрос должны были внести научные сессии, организованные в Нальчике. Но дискуссии 1948–1950 гг., протекавшие в жестких рамках директивной политики, «вели к формированию нового, более догматического направления в ка-

бардинской историографии»²³. Дискуссии, при всех видимых минусах того времени, все же формировали у участников важные качества разностороннего осмысления материала, озвучиваемого оппонентами, сопричастности, осознания личной позиции в споре и др. Не случайно как раз в это время появились исследования Т.Х. Кумыкова, в которых обоснован феодальный характер землевладения в Кабарде.

Как в дореволюционной, так и в советской историографии при освещении земельной реформы в Кабарде в центре внимания авторов был акт от 20 августа 1863 г., объявлявший все земли в Кабарде достоянием народа. Одни авторы считали, что акт верно отражал поземельные отношения (П.Н. Гаврилов, Ф.А. Щербина, Е. Максимов, Н.Д. Гаибов, В.П. Пожидаев, С.И. Месяц, У. Алиев, А.В. Мамонтова, И.Ф. Мужев и др.), другие отмечали его искусственное происхождение (В. Кудашев, Г.А. Кокиев, В.М. Букалова, С.А. Комиссаров). Т.Х. Кумыков не только поддержал вторую точку зрения, но и документально обосновал причины, обусловившие принятие акта. С этого времени вывод о феодальной земельной собственности у народов, проживающих на плоскости региона, был поддержан большинством советских исследователей.

В.Х. Кажаров «снял» поднимаемую в науке проблему противостояния общинного и феодального землевладения путем их объединения. Ведь «монопольная земельная собственность кабардинских пши-уорков проявлялась в распоряжении земель не прямо, а через такое важнейшее опосредующее звено, как сельская община, которая, перестав быть верховным коллегиальным собственником, все же сохранила функции коллективного регулятора и как целое осуществляла права пользования своих членов, но с той принципиальной разницей, что все ее действия теперь были санкционированы властью феодального владельца, совмещавшего в своем лице собственника общесельской земли и пользователя одного из ее наибольших и наилучших участков»²⁴. Этот теоретический вывод помогает понять специфические особенности землевладения в адыгских обществах.

В соответствии с данным утверждением земельные отношения нового типа в пореформенный период не создавались искусственным путем, в результате внедрения их административным порядком. Цар-

²³ Тютюнина Е.С. Дискуссии 1948–1950 гг. по вопросам истории кабардинского народа // Археология и краеведение – вузу и школе: Тезисы докладов и сообщений Третьей региональной научно-практической конференции. – Грозный, 1989. – С. 38.

²⁴ Кажаров В.Х. О системе регулирования землепользования в кабардинской сельской общине (первая половина XIX в.) // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1980. – С. 52.

ская администрация на Северном Кавказе прежде чем проводить земельные реформы тщательно изучала соответствующую область общественного быта горцев, стараясь приспособить свои мероприятия к существовавшим уже у них отношениям собственности. Можно полагать, что именно «существование здесь общинно-передельного землепользования облегчило администрации задачу реорганизации местных сельских общин по центрально-русскому образцу»²⁵. Это обоснованное мнение фактически отрицало сложившиеся в советской историографии однозначные оценки аграрной политики правительства.

Рассматривая итоги земельных преобразований у народов Северного Кавказа, советские исследователи, как правило, акцентировали внимание читателей на негативных моментах: их незавершенности, экспроприации земель, недостаточном наделе земли, выделяемом крестьянам, обособлении участков феодальной знати и т.д. Отказываясь от сложившихся традиций, С.А. Исаев указал на «объективно прогрессивный характер реформы с точки зрения конечного результата. Так, например, крестьянское землепользование после реформы значительно увеличилось по сравнению с периодом 40–начала 60-х гг. XIX в.»²⁶.

Анализ изучения аграрной реформы в 1960–1980-е гг. наглядно показывает значительные успехи исторической науки в исследовании сложной многогранной исторической проблемы. Учеными разработаны теоретические аспекты узловых проблем реформы; выявлены общие и особенные черты преобразований во всех округах; начато историографическое изучение отдельных аспектов реформы; собран и обобщен огромный комплекс архивной документации. Разработана концепция и методика изучения реформы на основе марксистско-ленинской методологии во всех областях и республиках Северного Кавказа. Сложилась группа исследователей, избравших реформу в качестве основного объекта изучения.

В третьем параграфе «Административно-судебные изменения на «периферии» исследовательских интересов» изучены работы, в которых освещены административно-судебные изменения. События 1917 г. обусловили цивилизационный разлом российского общества и вместе с тем определили обновление общества, дав надежду на счастливую жизнь трудящимся России. Стали формироваться новые представления о прошлом, настоящем и будущем России, но этот процесс происходил не в условиях научной конкуренции проек-

²⁵ Там же. – С. 40.

²⁶ Исаев С.А. Аграрное движение в Чечне в 60–70-х гг. XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1975. – С. 51.

тов, плюрализма мнений и идеологий, а в условиях жесткого диктата господствующей партии.

Представители юридической школы дореволюционной России Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, С.М. Соловьев, А.Д. Градовский, Б.Н. Чи-черин, Ф.И. Леонтович, М.М. Ковалевский и многие другие внесли серьезный вклад в мировую науку. Но советская историческая наука, за небольшим исключением, только подтверждающим правило, отказалась изучать прошлое народов России с точки зрения влияния законодательства на повседневную жизнь общества. Новая власть, заявившая о своих планах коренного преобразования общества, исходила из необходимости кардинального разрыва с предшествующим развитием общества, науки, культуры, образования, которые были объявлены устаревшими, «классово чуждыми» труженикам села и города.

Государственный нигилизм в отношении права был провозглашен на II Всероссийском съезде Советов, где было заявлено об отмене «действия старых законов, если они противоречат *революционному правосознанию*. Последнее стало главным источником права при отсутствии новых писанных норм»²⁷. Такое отношение государства к системе права обусловило индифферентное отношение ученых к этой области исторического знания. В 20–50-е гг. XX в. проблемы административно-судебных преобразований у горцев почти не исследовались. Они затрагивались лишь в контексте «революционного переустройства общества». Работы А.М. Ладьженского, И.П. Петрушевского, М.А. Мамакаева об эволюции норм обычного права в горских обществах Дагестана, Чечни, Черкесии не могли удовлетворить потребности общества. Фактически тема была «закрыта» для систематического изучения.

В 1960–1980-е гг. ситуация меняется. Почти во всех регионах появляются статьи, монографические исследования, защищаются диссертации по административным и судебным изменениям в XIX в. Конкретный материал, приводимый исследователями, как правило, противоречил выводам, в которых подчеркивались только негативные моменты преобразований. Административно-судебные реформы на Северном Кавказе, по мнению ученых, были половинчатыми, непоследовательными. Поэтому они еще в большей степени, чем в центральной России, содержали крепостнические черты. Однако преобразования подорвали основы патриархально-феодальных отношений, способствовали втягиванию местного населения в систему всероссийского рынка.

²⁷ Исаев И.А. История государства и права России. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – С. 562, 563.

В процессе изучения темы наметилась определенная специализация среди ученых. В.К. (Б.А.) Гарданов, Р.М. Магомедов, Х.М. Хашаев, А.А. Магометов, К.Г. Азаматов, Ф.Д. Эдиева специализировались на изучении норм адата. Их информативная насыщенность настолько высока, подчеркнул В.К. Гарданов, что они важны в изучении «... не только конкретных вопросов истории Кабарды и народов Кавказа, но и для рассмотрения ряда общих социологических, этнографических и историко-юридических проблем»²⁸. Такая постановка вопроса стала возможна только в период «оттепели», некоторой либерализации общественных отношений и смягчения диктата в науке. Т.Х. Кумыков, Ж.А. Калмыков, З.В. Канукова, З.М. Блиева, А.И. Хасбулатов, К.А. Кокурхаев, Э.Д. Мужухоева и др. уделили особое внимание созданию системы военно-народного управления и взаимодействию норм обычного права, шариата и российского законодательства. Для административной политики России на Кавказе, по мнению московских ученых, «...характерна поэтапность введения российской системы управления с учетом местных особенностей.... Обращает на себя внимание большая осторожность в проведении административных реформ на Кавказе и главным образом в областях с мусульманским населением»²⁹.

Анализ разделов, посвященных реформам на Северном Кавказе, в коллективных обобщающих трудах привел к выводу, что они не соответствовали возросшим требованиям общества, а фактически повторяли известные в науке факты и положения. Нужны были новые подходы, связанные с новыми концепциями осмысления прошлого, с современными методиками обработки данных, с использованием достижений мировой историографии. Это свидетельствует о глубоком методологическом кризисе в советском кавказоведении, выход из которого возможен только с изменением политической системы в Советском Союзе.

Четвертая глава «Современная историография институциональных преобразований» состоит из трех параграфов. В *первом параграфе* «Изучение трансформации аграрных отношений 50–70-х гг. XIX в. в современной науке» показана работа ученых по реконструкции аграрной политики правительства России в 50–70-х гг. XIX в. на Северном Кавказе, которые осваивают новые методики и подходы. Несмотря на ослабление научного интереса к аграрным пре-

²⁸ Материалы по обычному праву кабардинцев. Первая половина XIX века. / Собрал и подготовил к печати Б.А. Гарданов. – Нальчик, 1956. – С. 2.

²⁹ Кияялина Н.С. Управление Кавказом и Средней Азией в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. – С. 47.

образованиям, в регионе сложился коллектив ученых, работающих по их исследованию. В целом же проделанная учеными работа фрагментарна и не отражает всего комплекса мероприятий правительства по созданию новых аграрных отношений на Северном Кавказе. Нет обобщения результатов научных изысканий как в отдельных районах, так и на всем Северном Кавказе. Авторы только констатируют мероприятия администрации, не выявляя закономерностей их проведения. При этом большинство анализируемых работ не имеет четкой методологической позиции, концептуально аморфны. «Посчитав» тему достаточно изученной, историки стали обращаться к проблеме аграрных преобразований, как правило, только при изучении социально-экономического развития отдельного округа или области, поэтому приводимые данные компилятивны, вырваны из контекста событийного ряда реформ, не отражают общей картины изменений в регионе.

Вместе с тем в работах ученых стали появляться категории, отражающие современные подходы, новое видение фактов или процессов, иную, чем было принято в советской историографии, трактовку событий. Ростки методологических предпочтений в изучении темы возвращают науку в «поле» плюрализма и дают уверенность в успешном исследовании проблемы аграрных преобразований на Северном Кавказе.

Плодотворна попытка В.Х. Кажарова изучать аграрные отношения в Кабарде через призму дихотомной дефиниции «вотчина-община», что позволяет экстраполировать его методику и на другие плоскостные регионы, в частности Кумыкию, Черкессию, Бесленей, Темиргой, Бжедугию и др.

Обоснование П.А. Кузьминовым положения об элементах аграрной реформы в Балкарии и постановка вопроса П.И. Магаевой о проведении земельных преобразований в Карачае актуализируют проблему изучения латентного характера этих изменений в горских обществах Кубанской, Терской и Дагестанской областей.

Публикация документальных материалов П.А. Кузьминовым, Б.К. Мальбаховым, Н.Ю. Силаевым и др. о специфике аграрных отношений у народов Северного Кавказа, переиздание лучших работ дореволюционных авторов в сериях «КЛИО», «Мир Черкессии», «Балкария», «Карачай и Балкария», «Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах», «Многоликая Ингушетия» и др. значительно расширяют исследовательские возможности ученых по созданию обобщающего труда по истории аграрных отношений на Северном Кавказе.

В соответствии с концептуальной позицией авторов, отраженной в историографических источниках, мы выделяем два подхода в изучении земельных отношений XIX в.: марксистский, фактически

присутствующий в большинстве работ, правда, без ссылок на классиков марксизма-ленинизма, и модернизационный, освоение которого изменило исследовательские приоритеты ученых. Данная классификация, конечно, условна и не отражает, в ряде случаев, общей концептуальной позиции автора, но в то же время помогает определить вектор методологических предпочтений исследователя.

Во *втором параграфе* «Исследовательские практики проблемы освобождения зависимых сословий» выявлены новые подходы в изучении социальной проблематики. Разбор научной литературы по многогранным вопросам сословных отношений в эпоху подготовки и проведения крестьянской реформы подводит нас к следующим выводам. Во-первых, им посвящен значительный корпус историографических источников, в которых процесс освобождения зависимых сословий у горских народов Северного Кавказа изучен достаточно полно. Во-вторых, в отличие от советской историографии, исследователи искали и находили в прошлом не только факты антагонизма и эксплуатации зависимого населения, но и партнерства (А.Х. Бижев и М.Ю. Хаширов, А.П. Горбунов, Р.М. Дагужиев и др.). В-третьих, если марксистская историография акцентировала внимание на грабительском характере освобождения крестьян, то сегодня выявлены факты, подтверждающие мысль поэта Н.А. Некрасова, что «реформа ударила одним концом по барину, другим по мужику» (Р.С. Бзаров, М.М. Блиев, М.В. Дышеков, Д.Н. Прасолов, М.С. Тамазов и др.), то есть, обоснован концептуальный «синтез» в изучении эмансипации крестьян, когда ученые выявили социальные полюса эмансипации крестьян. В-четвертых, ряд ученых негативно оценили качество действий кавказской администрации по подготовке и проведению реформы (З.Х. Ибрагимова, Д.Н. Прасолов). В-пятых, сложилась общность историков, достаточно высоко оценивающих качество социальных преобразований в регионе (М.И. Баразбиев, Е.Г. Битова (Муратова), В.Б. Виноградов, М.В. Дышеков, Е.И. Иноземцева, Э.М.-Г. Зульпукарова, П.А. Кузьминов, В.А. Кумпан, А.А. Магомедов, А.Х. Рамазанов, Т.А. Шибзухова и др.). Это свидетельствует о складывании в кавказоведении механизма методологического плюрализма.

Анализ историографических источников по теме социальных преобразований у народов Северного Кавказа позволяет выделить формирующиеся течения. Марксистское, концентрирующее внимание на фактах реального ухудшения материального положения освобожденных крестьян, и цивилизационное, обосновывающее исследовательский интерес к сложным процессам социокультурного взаимодействия и взаимовлияния различных социальных сил на обществен-

ной арене (элиты горских обществ и зависимого населения, кавказской администрации и различных групп горского социума и др.). В регионе накоплен достойный научный потенциал, чтобы создать обобщающий труд по истории сословных отношений и их преобразованию во второй половине XIX в.

В *третьем параграфе* «Актуализация проблематики административно-судебных реорганизаций» анализируются концептуальные конструкции, созданные современным научным сообществом при изучении системы управления и суда, сложившейся в регионе в эпоху либеральных реформ XIX в. Полученные результаты позволяют выделить три «уровня», отражающие особенности исследовательской мысли.

В массиве публикаций особое место занимают работы, в которых делается попытка показать роль и место Северного Кавказа в рамках Российской империи. Этот взгляд дает общую картину административных преобразований, оттеняет наиболее явные закономерности взаимоотношений, раскрывает механизм управления регионом из центра, показывает отношение высших чиновников государства к Кавказу.

К группе работ, исследующих особенности взаимосвязей центра и периферии, можно отнести письма императора Александра II наместнику Кавказа князю А.И. Барятинскому, воспоминания Д.А. Милютинина о службе на Кавказе, сборник документальных материалов «Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность», работы В.В. Дегоева и В.М. Муханова, посвященные первым наместникам Кавказа, Г.Г. Лисицыной о Кавказском комитете, обобщающую работу З.М. Блиевой и др.

Показателен пример изучения деятельности Кавказского комитета, история которого была практически не освещена в советской историографии, хотя очевидно, что для понимания особенностей политики Российской империи на окраинах необходимо ясно представлять структуру, обеспечивающую аппарат управления Кавказа нормативными материалами, специфику взаимосвязей высших государственных учреждений с местными органами власти и др. Это обусловило появление работ, в которых затрагиваются отдельные аспекты деятельности институтов власти на Кавказе и в России.

Вторая группа работ отражает региональную политику правительства, преследующую цели политической и экономической интеграции страны, установления социальной, правовой и административной однородности с другими краями и губерниями. Конкретные потребности управления, сегментированный характер горских этнических общностей заставляли правительство и кавказскую администрацию учитывать своеобразие народов, различный уровень их общест-

венного и социокультурного развития, что придавало административной и социальной политике определенную противоречивость. Поэтому Г.Н. Малахова и А.Х. Боров отличительной чертой проводимых преобразований назвали принципы компромисса и посредничества.

Категория «юридический или правовой плюрализм», иначе «полиюридизм», все чаще стала появляться в научных и публицистических работах специалистов. Исследования, созданные в пространстве цивилизационного подхода, позволили ученым выявить не только конфликтные тенденции, возникающие между различными правовыми системами, работающими в одном правовом поле, но и взаимосвязи и взаимовлияния, складывающиеся в процессе их функционирования.

Третий исследовательский уровень изучения административных и правовых изменений назовем местным. Ученые данной условной группы, опираясь на выявленный документальный материал, глубже зная проблемы социального, экономического, этнического, конфессионального, политического развития «своего» народа, как правило, более резко и бескомпромиссны в оценке преобразований. Они острее подчеркивают негативные аспекты политики царского правительства по сложившейся в советской историографии традиции, обходят вниманием положительные моменты, которые способствовали социальному, экономическому и культурному развитию этноса, редко используют достижения современной методологии. Анализируя ситуацию, Л. Гагагова не случайно подчеркивает, что северокавказские научные сообщества «тяжело избыывают издержки старого мышления и устаревшие методологические стереотипы»³⁰. Многие исследователи, замечает А.И. Османов, «не могут преодолеть привычный стереотип мышления и творчески, с новых методологических позиций подойти к освещению событий своей эпохи»³¹.

Динамику административно-судебных преобразований в регионе, областях или отдельных округах исследовали с позиций цивилизационного и марксистского подходов.

Независимо от «принадлежности» исследователя к той или иной группе, историографическому направлению ученые не пришли к общему знаменателю как в оценке соотношения различных правовых систем (адата – шариата – российского законодательства), действовавших на Северном Кавказе в XIX–начале XX в., так и в оценке

³⁰ Гагагова Л. Северный Кавказ: метаморфозы исторического сознания // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М., 1999. – С. 271.

³¹ Османов А.И. Историческая наука Дагестана: проблемы и перспективы // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.). – Ростов-на-Дону, 2000. – С. 183.

политики правительства по этому вопросу. Ряд историков утверждает, что важнейшим направлением судебных реформ было ослабление шариата и модернизация норм обычного права с целью подготовки перехода к российской системе права. Другие, напротив, полагают, что неожиданным сторонником внедрения шариатского законодательства оказалась кавказская администрация. Это обосновывалось тем, что шариат, как система права, в большей степени, чем адат, соответствовал российскому законодательству, поэтому скрытно или явно проводилась поддержка правовых норм шариата.

Концепция правового плюрализма, широко используемая в науке, ассоциируется у большинства авторов с известной формулой (адат+шариат+российское право), хотя она охватывает значительно большее количество субъектов. В социальных полях княжества, ханства, общества, союза общин, сельской общины адат сочетался с местными интерпретациями правовых норм шариата в его ханафитской и шафийской редакциях у мусульман или с церковно-каноническим правом у православных христиан и не до конца исламизированных народов (В.О. Бобровников). К тому же преобразования середины XIX в. вели на Северном Кавказе то к укреплению правового плюрализма (вторая половина XIX в.), то к формированию скрытого полиюридизма (реформы Шамиля).

Серьезным недостатком постсоветской интерпретации правового плюрализма является преувеличение «традиционализма» государственной сионормативной культуры. Обычное право ассоциируется с глубоким прошлым, неизменным традиционным правом, хотя оно постоянно эволюционировало.

Таким образом, сложные процессы развития науки вызвали в последние годы в кавказоведении «смену концептуальных структур как в явно выраженных, так и в имплицитных формах. Резкое повышение удельного веса факторов этнонациональной самоидентификации в общих структурах современного общественно-исторического сознания позволяет предположить, что новые парадигмы исторической науки выступают как некие общие концепции национальной истории тех или иных народов, претендующие на целостное и непротиворечивое осмысление пройденного ими исторического пути»³².

В заключении диссертации подводятся общие итоги исследования, составляющие основные положения, выносимые на защиту.

³² Боров А.Х. К обновленной концепции национальной истории: Историографические итоги и перспективы // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик, 2005. Вып. I. – С. 5.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. В сложном процессе изучения реформ 50–70-х гг. XIX в. у горских народов Северного Кавказа целесообразно выделить три периода: первый – 1860-е–1920 г.; второй – 1920–конец 80-х гг. XX в.; третий – конец 80-х гг. XX в – первое десятилетие XXI в., учитывая принципиально значимые изменения, произошедшие в теоретико-методологических основах российской исторической науки.

2. Выявлена взаимосвязь формирования взглядов представителей консервативного, либерального и демократического направлений научной мысли дореволюционной России по проблеме административно-правовых и аграрно-сословных реформ у народов Северного Кавказа с общей идеологией «цивилизационной» политики в регионе.

3. Утверждение марксистской методологии и развитие советской историографии следует рассматривать как период принципиального переосмысления роли и значения реформационных преобразований в социально-экономической жизни общества, утверждения единой концепции трактовки реформы как колониальной, грабительской, способствующей угнетению горских народов.

4. В советское время, несмотря на единую марксистскую методологию, были периоды усиления интенсивности изучения истории реформ (послевоенные годы). Озвученные оценки о крепостническом, половинчатом характере реформ, по-прежнему приводимые в публикуемых работах, были дополнены утверждением, что они способствовали втягиванию горских народов в сферу товарно-денежных отношений, направляя их по пути прогресса.

5. Эволюция оценок качества реформационных преобразований была обусловлена меняющейся трактовкой российско-кавказских отношений, дискуссиями о «наименьшем зле», об «абсолютном благе», об «объективном благе» вхождения народов Северного Кавказа в состав России. Эти «клише», получив одобрение партийных органов, становились общеупотребительными, фактически обязательными для ученых, что, безусловно, влияло на их позицию в исследовании сюжетов истории.

6. В современном кавказоведении постепенно утверждается методологический плюрализм в оценке реформ. Эпоха преобразований исследуется с классической, модернистской, постмодернистской методологической позиции, что создает основу для выявления и решения

ряда новых научных проблем, позволяющих всесторонне исследовать историю пред- и пореформенного развития горских народов.

7. Вместе с тем «конкуренция» подходов носит весьма условный характер. Определенная часть ученых, понимая невозможность в условиях полиметодологической ситуации придерживаться прежних теоретических установок, в то же время не спешит осваивать новые идеи, сопряженные с восприятием и воплощением методологических новаций и терминологии междисциплинарного характера. В ряде случаев авторы стремятся «уйти» от идентификации своей методологической позиции.

8. Положительным в историографическом процессе изучения преобразований является стремление историков выявить как позитивные, так и негативные стороны, отражающие многогранное воздействие реформ на условия жизнедеятельности социальных и этнических общностей Северного Кавказа, обобщив лучшие достижения дореволюционной, советской и современной историографии.

9. Концептуальные построения современных ученых дают основания приступить к созданию обобщающего труда по истории преобразований на Северном Кавказе в контексте либеральных реформ в России.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ИЗЛОЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монография:

1. Кузьминов П.А. Эпоха реформ 50–70-х годов XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 236 с.

Статьи, опубликованные в реферируемых изданиях ВАК:

2. Кузьминов П.А. Крестьянская реформа на Северном Кавказе: проблемы и решения // Известия Международной академии наук высшей школы. – 2002. – № 4. – С. 87–100.

3. Кузьминов П.А. Земельные и социальные преобразования на Северном Кавказе в контексте российских реформ 60-х гг. XIX в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2003. – № 4. – С. 10–16.

4. Кузьминов П.А. Инфильтрация, адаптация и инкорпорация греков на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа.– Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2004. – № 2. – С. 67–77.

5. Кузьминов П.А. Работа сословно-поземельных комиссий и комитетов в 40–70-х гг. XIX в. в Центральном Предкавказье // Вестник Дагестанского научного центра. – Махачкала: Даг. науч. центр РАН, 2005. – № 22. – С. 69–76.

6. Кузьминов П.А. Особенности аграрной политики России на Северном Кавказе в начале 60-х гг. XIX в. // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2006. – № 3. – С. 92–99.

7. Кузьминов П.А. Особенности социальной политики Российского правительства на Северном Кавказе в конце XVIII – 60-х гг. XIX в. // Ученые записки Российского государственного социального университета. – М., 2008. № 2 (58). С. 154–163.

8. Кузьминов П.А. Социокультурные механизмы взаимодействия российского и северокавказского социума в контексте модернизирующих реформ в России в 60-е годы XIX века // Ученые записки Российского государственного социального университета. – М., 2009. – № 1 (64). – С. 186–194.

9. Кузьминов П.А. Проблемы социального взаимодействия российского и северокавказского социумов в контексте реформ 60-х годов XIX века // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пятигорск: ПГТУ, 2008. – Вып. 7. – С. 90–96.

Сборники документов:

10. Народы Центрального Кавказа в 40-х–начале 60-х годов XIX века: Сборник документальных материалов / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. – М., 2005. В 2 т. – Т. 1. – 368 с.; Т. 2. – 392 с.

11. Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII–начала XX века. Архивные материалы и научные исследования / Сост., автор предисл. и статьи П.А. Кузьминов. – В 2 т. – Т. 1. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – 469 с.; Т. 2. – Нальчик: Эль-Фа, 2008. – 548 с.

Статьи:

12. Кузьминов П.А. Г.А. Кокиев – исследователь крестьянской реформы на Северном Кавказе // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона: Материалы Всероссийской научной конференции (10–12 мая 1982). – Грозный: ЧИГУ, 1985. – Вып. 3. – С. 147, 148.

13. Кузьминов П.А. Аграрно-крестьянская реформа на Северном Кавказе в оценках современников // Вопросы истории и историографии Северного Кавказа: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: КБГУ, 1989. – С. 153–164.

14. Кузьминов П.А. Русские историки 80-х гг. XIX в. о земельной политике царского правительства на Северном Кавказе // Славянские чтения. – Нальчик: ЦГА КБР, 1993. – С. 11–15.

15. Кузьминов П.А. К вопросу об идентификации статьи А.Г. Кешева // Роль национального языка и культуры в формировании и развитии личности. – Нальчик: ИУУ КБР, 1993. – С. 26–28.

16. Кузьминов П.А. Особенности крестьянской реформы 1861 г. у народов Северного Кавказа // Россия в новое время: выбор пути исторического развития: Тезисы Всероссийской конференции. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. С. 32–34.

17. Кузьминов П.А. Либеральная историческая мысль о социально-экономических отношениях у народов Северного Кавказа в конце XIX–начале XX в. // Славянские чтения. Взаимодействие национальных культур народов КБР и современная цивилизация. – Нальчик, 1998. – С. 64–66.

18. Кузьминов П.А. Реформы XIX в. в исторической концепции профессора Кумыкова Т.Х. // Народы Северного Кавказа: Вопросы исто-

рии и историографии: Материалы научной конференции, посвященной 70-летию проф. Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: КБГУ, 1998. – С. 25–29.

19. Кузьминов П.А. Модернизация России и проблема преобразования социально-экономических отношений у народов Северного Кавказа 60-х гг. XIX в. // Россия в новое время: центральное и периферийное в системе культурного диалога. – М.: РГГУ, 1999. – С. 109–111.

20. Кузьминов П.А. Новые аспекты изучения «старой» крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время: Тезисы региональной конференции 30–31 мая 2000 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2000. – С. 125–127.

21. Кузьминов П.А. Становление российской административно-судебной системы в Центральном Предкавказье в конце XVIII–начале XIX века // Труды СГУ. – М.: СГУ, 2000. – Вып. 18. – С. 72–83.

22. Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир: Армавирское полиграфпредприятие, 2002. – С. 61–64.

23. Кузьминов П.А. Формирование сословия крепостных крестьян у кубанских казаков // Славянские чтения в Кабардино-Балкарии. Вып. 7. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – С. 40–48.

24. Кузьминов П.А. Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // De die in diem. Памяти А.П. Пронштейна. 1919–1998. / Отв. ред.: А.В. Лубский, В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2004. – С. 122–144.

25. Кузьминов П.А. Ф.А. Щербина и проблема эмансипации зависимых сословий у кубанских казаков // Научно-творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: Сб. мат. Межрегиональной научно-практической конференции / Отв. ред. С.Н. Якаев. – Краснодар: ИМСИТ, 2004. – С. 316–326.

26. Кузьминов П.А. Аграрные преобразования у народов Центрального Кавказа в 50–60-е гг. XIX в. // Земельные отношения в Кабарде и Балкарии: история и современность. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2005. – С. 44–71.

27. Кузьминов П.А. Проблема социальных противоречий в среде черноморского казачества в творчестве Ф.А. Щербины // Научно-творческое наследие Ф.А. Щербины и современность: Сб. мат. III Меж-

дународной научно-практической конференции / Отв. ред. С.Н. Якаев. – Краснодар: ИМСИТ, 2005. – С. 89–96.

28. Кузьминов П.А. Эмансипация зависимых сословий на Северном Кавказе в контексте гегелевской парадигмы «отрицание отрицания» // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории: Материалы Международной научной конференции: «Факт-событие» в различных дискурсах / Отв. ред. И.В. Крючков. – Ставрополь: Издательство Ставропольского госуниверситета, 2005. – Вып. 8. – С. 167–176.

29. Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 2(34). – М.: НП ИД «Русская панорама», 2005. – С. 109–128.

30. Кузьминов П.А. Подарок к юбилею // Образец служения науки: Сб. ст. к 80-летию Г.Х. Мамбетова. – Нальчик: КБИГИ, 2005. – С. 234–243.

31. Кузьминов П.А. Открытие Терской сословно-поземельной комиссии во Владикавказе // История и культура народов Северного Кавказа: Сб. науч. тр. – Пятигорск: ПГТУ, 2005. – Вып. 4. – С. 17–24.

32. Кузьминов П.А. Кавказоведение на грани веков // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы Международной научной конференции. 13–14 октября 2005 г. – Владикавказ: СОИГСИ, 2006. – С. 5–34.

33. Кузьминов П.А. Он стоял у истоков модернизации народов Центрального Кавказа // Исторический вестник. КБИГИ. Вып. 4. Нальчик: Эль-Фа, 2006. – С. 543–559.

34. Кузьминов П.А. Траектории сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX в. // Кавказский сборник. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2007. – Т. 2 (34). – С. 81–103.

35. Кузьминов П.А. Крестьянский вопрос в социальной политике Российского правительства на Северном Кавказе в XVIII–60-х гг. XIX вв. // Архивы и общество. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 2007. – № 1. – С. 82–89.

36. Кузьминов П.А. Перестройка традиционных социально-экономических структур во второй половине XIX в. // История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии с Россией. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. – С. 185–206.

37. Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на службе Его Величества // Исторический вестник КБИГИ. – Нальчик: Издательство КБИГИ и КБНЦ РАН, 2009. – № 8. – С. 405–436.

38. Кузьминов П.А. Дореволюционная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе // Кавказский сборник / Под ред. В.В. Дегоева. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. – Т. 5. – С. 166–200.

39. Кузьминов П.А. Социальные и административные формы взаимодействия России и народов Северного Кавказа в 50–60-х годах XIX века // Народы Северного Кавказа и Россия (к 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии, Адыгеи и Карачаево-Черкесии с Россией): Материалы Всероссийской научной конференции 18–21 октября 2007 г. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2007. – С. 167–178.

Гранты:

40. Грант РГНФ на 2009–2010 гг. № 09-01-33106 а/Ю. Руководитель темы: «Первая волна северокавказской модернизации: реформы 50–70-х гг. XIX в. как проблема науки».

В печать 24.06.2010. Тираж 100 экз. Заказ № 5995.
Полиграфический участок ИПЦ КБГУ
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.

